

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Д. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWEKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXII Buenos Aires, Viernes 13 de junio de 1980

Буэнос Айрес, пятница 13 июня 1980 г.

№ 1580

Беседа Евгения Вагина с группой русской национальной молодежи в Буэнос Айресе

В "Нашей Стране" уже писалось о разных выступлениях в Буэнос Айресе одного из руководителей Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа. Но несомненно одно из самых интересных имело место на квартире В. и Е. Арцимовичей, где собралось 30 представителей русской национальной молодежи. Ниже мы воспроизводим магнитофонную запись этой беседы.

Александр Стрелин: (24 года). Кого и чего боятся советские?

Е. А. Вагин: Если сказать откровенно, по-моему они не боятся никого и ничего. Самого черта не боятся. Вот фраза, которая часто встречается в прессе, что советы чего-то боятся, мирового общественного мнения и поэтому выпускают кого-то и что-то, это основано на недоразумении и непонимании как и механизма власти так и вообще особенностей советской коммунистической системы. Да, в журнальном варианте для широкой публики можно пользоваться этим словом «боятся», но это очень далеко от истины. Для того, чтоб нам действительно бороться с коммунистической опасностью нужно усвоить как первую аксиому то, что они в общем никого не боятся. И поэтому как справедливо говорил в свое время Солженицын — и многие кроме Солженицына — они могут отступить только перед твердостью и силой. Поэтому нам не нужно заранее рассчитывать напугать их чем-то, но нам нужно действительно обладать какой-то реальной силой и воздействовать именно силой, тогда можно чего-то добиться. Конечно, то, что называют мировым общественным мнением последние несколько лет в силу как-то сложившихся обстоятельств играет определенную роль для советского правительства и оно действительно под нажимом этого общественного мнения свободного мира, идет на ряд уступок, то есть происходят обмены, скажем, диссидентов. Кого-то там выпускают, кого-то амнистируют, хотя если вы внимательно будете следить за механикой всех этих событий, увидите, что всегда остается вопрос, кто больше выигрывает от этих акций: свободный мир или советские. Мое твердое убеждение, что выигрывают всегда советские. Они не боятся, они ведут очень хитрую политику. Мы имеем перед собой очень опасного, очень сильного и очень хитрого противника; это нельзя недоуличивать. Но тем не менее поскольку этот фактор западного общественного мнения играет определенную роль, то участие во всякого рода кампаниях, скажем, как в сборе подписей и каких-то демонстраций перед советским посольством и так далее — все это вещи полезные, не вредные и в общем если у вас есть возможность принять участие в одной из таких акций я думаю, что вы просто должны, обязаны это сделать.

Елизавета Арцимович (25 лет): Но кого они выпускают? Могут они выпу-

скасть двойных агентов? Диссидентов, которые работают на них?

Е. А. Вагин: Могут. Более того — они прямо выпускают своих агентов либо под маской диссидента, либо вообще без таковой в том общем довольно значительном потоке новейших эмигрантов, который начинается с 1972-73 выливаться в западный мир. Но очень трудно знать о масштабах этого явления и поэтому естественно: в русской эмигрантской среде, когда встречаются

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

КЛЕВЕТА

По сведениям А. И. Солженицына о Дмитрия Дудко будут судить по обвинению в гомосексуализме. Чудовищность этого поклепа, к сожалению, вполне в стиле многих дьявольских измышлений партии и власти. Интересно, однако, то обстоятельство, что власть не выдвигает обычных в таких случаях обвинений в «измене» родине, шпионаже, или антисоветской деятельности и пропаганде. Можно предположить, что подобные обвинения не вызвали бы среди верующих (да и народа вообще) требуемого негодования. Может быть даже наоборот, послужили бы к большей популярности этого пастыря доброго. И вот власть остановилась на средстве, которое, по ее мнению, должно нанести непоправимый ущерб м о р а л ь н о м у облику о. Дмитрия. Высоко же расценивается значение и влияние этого человека, если нужно прибегать к таким козням!

Нам, находящимся за пределами прямого воздействия массовых средств советского пропагандного аппарата, конечно, совершенно очевидна нелепость этой клеветнической выдумки, но там может быть, кто-нибудь и соблазнится конечно, из неустойчивых. Но люди, маломальски знакомые с личностью и деятельностью отца Дмитрия Дудко, едва ли попадутся на эту грязную удочку. И велик должен быть страх перед бесстрашным батюшкой, если приходится прибегать к таким средствам. Вот они, те «подложные» духовные дети, об уходе которых так скорбел о. Дмитрий. Теперь ясно, что все это подготовлялось исподволь, и несколько заранее подсаженных агентов более или менее успешно месяцами разыгрывали комедию с целью запятнать светлый облик о. Дмитрия.

с новым человеком, прибывшим из Советского Союза, подозрения, которые возникают, вполне оправданы и для новопривывшего, такого, как я, эти подозрения даже если они высказываются в форме достаточно прямой, несколько не оскорбительны, а вполне естественны. Это точно так же, как в лагере, чтобы быть уверенным что ты не натолкнешься на провокатора или стукача, нужно выяснять с самого начала при знакомстве целый ряд существенных моментов; как проходило следствие, за что он осужден, какая у него статья, где он был, кого он видел и т. д. В такой военной обстановке приходится прибегать к крайним мерам. Так что конечно, есть агенты, которых нужно не бояться, но которых нужно знать и против которых нужно принимать определенные меры. То есть нужно не просто благоденствовать, а стараться разоблачить что и как.

Возмутительна полная безнаказанность клеветников, посягнувших на самое святое, что есть в России: на веру в ее лучшего проповедника. Отняты все земные средства защиты, надежда только на Бога, который правду видит, хотя, может быть, и не сразу скажет.

Можно предположить, что соответственные органы заняты сейчас тщательной подготовкой этого процесса на манер театральной инсценировки, с репетициями, диалогами, монологами и прочей бутафорией. Каждое слово, каждый жест выверяются хронометром. И все-таки, на процессе возможны всякие неожиданности. Может быть у кого-нибудь из нанятых или запуганных лже-свидетелей и дрогнет голос в решительный момент... Может быть какой-нибудь из потенциальных Иуд-предателей, услышав голос совести, «выпадет» из предписанной роли. Особенно при очной ставке. Только узнаем ли мы об этом? Надо надеяться, что узнаем. Ведь в таких спектаклях возможны всякие неожиданности: люди все-таки еще не машины. И надо надеяться, что если инсценировка будет сорвана, хотя бы на короткое время, этого не удастся скрыть. Шила в мешке не утаишь! Многие теперь становится явным, что было тайным.

Нам остается молиться о даровании сил страждущему исповеднику веры и надеяться, что злостный клеветнический замысел не удастся, а послужит к вящему унижению постановщиков этого недостойного спектакля. И надо бить в набат, предупреждать и своих, и иностранцев, надо решительно разоблачать клевету и защищать светлое имя о. Дмитрия.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

Стрелин: Какое Ваше мнение о Северной Америке? Плохое?

Е. А. Вагин: К сожалению, американцы при той реальной силе, которой они обладают могли бы играть свою роль гораздо более удачно. Собственно сейчас говорят об этом все. Неделю назад я был в Вашингтоне, где участвовал на Сахаровских слушаниях. Там многие публично выступали и говорили о том, что к сожалению борьба за права человека с чего начал свой президентский срок Картер, оказалась во многом только словесной и особенно сейчас, в силу деликатных обстоятельств в сношениях с Кубой, Солт-2 и так далее, практически эта политика сошла на нет. То же самое нужно сказать и вообще о политике Соединенных Штатов в отношении к странам коммунистического мира. А поскольку они себя так ведут, мы можем сказать с полным основанием, что советы не очень их боятся и поступают очень нагло. Понимаете, высадить 3 000 прекрасных обученных солдат рядом под носом у Америки на Кубе, — для этого нужно обладать наглостью и смелостью изрядными. Для этого не нужно бояться Америки.

Иван Беликов (20 лет): К вопросу «кого боятся Советский Союз»... Какую роль играет Китай?

Вагин: Вопрос этот очень важный, который уходит своими корнями в довольно давнее прошлое. Вы знаете, что эти разговоры о «железной опасности» угрозе с Востока, в России существовали давно, еще во времена Владимира Соловьева, который написал об этом замечательное стихотворение. Он указал нам на эту восточную опасность и вскоре последовавшая за его пророческим стихотворением Русско-японская война, в некоторой степени подтвердила его интуиции и его прогнозы. То, что мы имеем сейчас, это несколько особый вариант русско-восточных отношений. Мы не должны забывать, что как нынешний Советский Союз так и Китай — это две коммунистические державы. Между ними существуют разногласия довольно серьезные и глубокие, как будто могущие привести к конфликту, но с другой стороны этот конфликт всегда может быть подавлен в самом зародыше, потому что и у Советского Союза и у Красного Китая в общем цели одни и те же — коммунистическое доминирование над всем миром. Совсем недавно в Москве начались переговоры между советской и китайской делегациями после очень долгого перерыва и нет ничего удивительного если вдруг они найдут какие-то приемлемые формы и прекратится та ожесточенная антикитайская кампания, которая велась в Советском Союзе последние годы, а в Китае несколько ослабят антисоветскую пропаганду, которая тоже велась в масштабах очень больших. Главный факт тот, что и та и другая держава являются коммунистическими державами. Поэтому относиться к их ссорам нужно с некоторым подозрением.

Стрелин: Знает ли правду о револю-

традициям в истории России, и которое считает, что в будущем Россия должна быть православной державой, поскольку все ее корни находятся в православной религии. Так вот в «Социализме как явлении мировой истории» Шафаревич собрал большое количество материала по истории социалистических учений в мире, что само по себе уже полезно. Но это не есть просто академическая работа, в которой излагаются мнения разных авторов. Это очень продуманная книга, в которой изложена собственная концепция Шафаревича, его взгляд на социализм. И вот он приходит там, чрезвычайно убедительно, к выводу, что социализм есть тяготение к смерти. Вывод парадоксальный, но если вы познакомитесь с книгой, автор в этом вас достаточно убедит. Я считаю, что эта работа достойна внимания русской молодежи и людей, которые продолжают себя считать русскими. Потому что хотя эта книга и о социализме, но конечно, прежде всего, это книга о том, как Россия попала в социалистические сети. Шафаревич наряду с Владимиром Осиповым, — человек, которого обязана знать русская эмиграция, которого стыдно не знать. Ну, и наконец, Игорь Огурцов, о котором я стараюсь говорить везде, о котором мне одновременно говорить и легче и труднее, потому что он мой друг и мы с ним были связаны долгие годы «по одному делу» как говорят лагерники и потому что положение его сейчас катастрофическое — он умирает в лагере. И вот я пытаюсь организовать какую-то, говоря высоким стилем, поддержку общественного мнения и постараться создать кампанию в его защиту, хотя бы немного приближающуюся к тем кампаниям, которые были организованы в защиту других инакомыслящих, уже оказавшихся на Западе. Конечно, результат таких кампаний нельзя заранее запланировать, нельзя ожидать, что все мы дружно навалимся и мгновенно будет достигнут положительный итог. Но я считаю, что если вы будете знать кто это такой, что это за человек, что он делал, то вы из чувства национальной христианской солидарности будете считать себя обязанными делать что-то в его защиту.

Чурилов (35 лет): Является ли диссидент представителем мнения народа?

Вагин: Это слово уже вошло в русский словарь не только русского литературного языка, но и нелитературного, потому что для одних это слово исполнено высокого гражданского смысла и значения, для других, в том числе для советской прессы, это бранная кличка. Поэтому, для одних диссидент это знак некоей гражданской доблести, для других это синоним отщепенца, нравственного уродца и т. д. В количественном отношении диссиденты, как таковые, или инакомыслящие (назовем их так, более нейтрально), группа сравнительно небольшая. Есть такие оптимистические писания, которые говорят, что диссиденты, это та верхняя часть айсберга, которая поднимается над водой, а основная масса, которая сдвинет все это с мертвой точки, под водой, она просто невидима, но существует. Может быть это так. Возможно. Другой оптимистический вариант, это что диссиденты это «вокс попули» — глас народа, что они говорят за то молчаливое большинство, которое не может, не в состоянии или по каким-то обстоятельствам, не хочет высказать свое истинное мнение. В этом тоже есть своя доля истины. Но при всей малочисленности этих диссидентов, мы должны очень внимательно подойти к ним. Именно потому, что их не так уж много, во всяком случае тех, с которых твердит пресса, нам легко попытаться установить какие же выражают они тенденции, куда они тянут за собой народ и как они представляют себе Россию. В большинстве новейших публикаций, в журналах, книгах новейших эмигрантов; выехавших из Советского Союза, то есть тех, кого прежде всего в основном называют «диссидентами», преобладают мнения о России такие, которые не могут не быть оскорбительными для всякого русского человека. К сожалению это факт. Если познакомитесь с этой литературой, то вы легко в этом убедитесь. Но в этой диссидентской среде на Западе как и в самом Советском Союзе есть немало людей, которые не обязательно относятся с ненавистью и презрением к России, но относятся, без должного учета тех национальных традиций, дорогих нам, которые составляют в общем, самое ценное. Среди групп диссидентов, эта ли-

ния, которая ориентируется сознательно на западные модели, достаточно многочисленна. Во всяком случае создается впечатление, что она является главной и доминирующей потому, что на Западе главным образом пишут и пропагандируют именно эти диссиденты. На последнем Сахаровском Слушании, в основном преобладали представители той точки зрения, что Россия должна быть демократически-правовым государством в западном смысле. Да, конечно, Россия должна быть свободной страной, да, конечно, Россия должна быть державой правовой, то есть с твердым правом, но я считаю, что совсем необязательно, что она должна копировать какую-то западную модель быть точным слепком с Аргентины, США, Заира, Мадагаскара. Россия слава Богу имеет полное право гордиться своей тысячелетней историей и у нее есть основание желать такого будущего, которое в известной степени заложено в ее богатом прошлом. И вот эти диссиденты, которые так представляют себе будущее не являются единственными. Есть другие тенденции, направления, движения, которые стремятся совершенно к другому. Вот эти три имени, которые я назвал: Владимир Осипов, Игорь Шафаревич, Игорь Огурцов в частности являются представителями тенденций совершенно противоположных. То есть они мечтают, они работают для того, чтобы Россия была Россией как таковой. А какой отклик находит это в народе и как народ, разные его социальные слои, их оценивает? Ответить совершенно точно на этот вопрос конечно невозможно, поскольку в Советском Союзе нет Института Гэллопа. Его заменяет КГБ, но в отличие от Института Гэллопа он не опубликует результаты своих исследований. Поэтому мы не можем иметь точное научное представление. Однако простой народ, человек с улицы, за 60 лет советской системы приобрел полное недоверие, вполне понятное и оправданное. Причем это недоверие распространяется не только на модели, ориентированные на Запад, но, увы, и на самые светлые наши идеалы, если мы будем их излагать в декларативной словесной форме и этим ограничиваться. Люди устали верить словам, лозунгам. Им нужно какое-то конкретное дело. Поэтому Игорь Огурцов, который представлял собой и своим движением — национальный путь России, получив 20 лет лагерей и на тринадцатом году каторги умирающий за свои идеи, говорит гораздо больше, сильнее и вернее в пользу национального идеала, чем что-либо иное. У нас достаточно есть таких героев-мучеников, благодаря чему мы можем надеяться, что национальная идея живет и будет иметь будущее.

В советской прессе в последнее время появляется большое количество разных статей, которые трактуют о диссидентах, конечно, в известном фельетонном тоне: но вот общий (довольно странный но действительно существующий) психологический закон в Советском Союзе: все то, что печатается воспринимается в ином смысле и если вам в газете «Правда» сообщают, что дважды два четыре 99 % читателей будут уверены, что нет, что что-то не так, вероятно дважды два или пять или что-либо другое. Поэтому в результате всех этих статей о «диссидентах», мнения в народе о них самые разнообразные.

Зинаида Елагина (25 лет): Дается ли в университетах возможность мыслить свободнее?

Вагин: Для человека, который хочет чего-то не из каких-то карьеристских прагматических соображений университет может дать очень много, потому что, конечно он открывает определенные перспективы и возможности. Вся система высшего образования чисто формально и подчинена партийному контролю. И тем не менее мы видим на фактах последних 20 лет, что основные тезисы сопотривления в основном исходили от среды университетской, связанной со студенчеством. Чисто технически тут два момента: во-первых богатые университетские библиотеки, где есть и фонды литературы дореволюционной, например у нас в ленинградском университете, где я учился, и, новейшая западная литература, приток которой даже официально путем, очень увеличился, в последнее время. Во-вторых, приток иностранных стажеров, студентов, которые какое-то время пребывают и конечно общение с ними, при всем контроле, при всех оговорках, все-таки

оказывает безусловно положительное влияние.

Стрелин: Действительно ли, что в процентном отношении православных меньше, чем до революции?

Вагин: Ищущие в основном не доходят до православия и благодаря упрощенности культа, останавливаются на стадии протестантских течений, которые достаточно распространены и которые, — самое главное, — имеют возможность, очень широко на весь мир говорить о себе. Если мы будем рассматривать религиозный Самиздат, мы увидим, что протестантские публикации среди них занимают самое главное место. Есть также увлечение восточными учениями, не знаю можно ли назвать это собственным религиозным явлением, но во всяком случае в условиях России это тоже есть элемент религиозных поисков. Я не считаю, что положение православных настолько угрожаемо, что в будущем предстоит православию совершенно исчезнуть. ... Если мы пользуемся словом возрождение, то этим самым предполагаем, что есть что возрождать. Говорить о возрождении мы можем только когда рассматриваем молодежь, у которых это впервые пробуждается. Я абсолютно убежден, у меня есть конкретные доказательства, что в общей массе по сути дела православная вера никогда не умирала, все эти 60 лет, несмотря на самые жестокие преследования, несмотря на физическое уничтожение священства, монашества, верующих, которых поколениями старались оторвать от религии, у которых уже отцы, предыдущее поколение, уже было достаточно оторвано, противопоставлено религиозным традициям прошлого, и вот если несмотря на это в третьем, четвертом, пятом поколении после революции пробуждаются эти религиозные чувства, пробуждается интерес к Церкви, христианству, православию, мы вправе говорить о возрождении, вправе ожидать от этого возрождения чего-то большого для будущего.

Чурилов: Как отражается в советской прессе этот процесс?

Вагин: Вначале в советской прессе пытались просто его осмеять, то есть появлялись заметки такого типа: вот, дескать, в западной прессе кричат о религиозном возрождении, которое якобы имеет место у нас на родине, настолько смешно, что на это нечего обращать внимания. Однако если появилась такая заметка, значит внимание было обращено. Затем, к этому стали относиться немного более серьезно. Такого рода фельетонные заметки исчезли, зато в некоторых специальных изданиях, как журнал «Наука и религия» стали появляться очень интересные, хотя иногда слишком краткие, сжатые отчеты о всяких совещаниях атеистов в областном масштабе, республиканском или общесоюзном, то есть собирали пропагандистов атеизма и с ними вели какие-то беседы, то есть начали говоря по-советски бить тревогу, — это явление стало вызывать у них определенное беспокойство. Затем стали появляться статьи и фельетоны совершенно иного типа, уже не столь беспечно-насмешливого; что, вот, мол, появилась странная мода среди молодежи, вдруг наши советские девушки-комсомолки носят крестики, конечно, это мода, ничего тут религиозного быть не может, потому что у нас уже 60 лет советской власти, все корни религиозных предрассудков давно уже совершенно уничтожены, но нехороша эта мода, потому что она может создать неверное представление, что будто бы мы устремлены в прошлое и т. д. То есть как часто это бывает, совершенно дурацкий шутовской тон, но этим тоном говорится о явлениях действительно серьезных и заслуживающих полного внимания. И действительно это приобрело настолько широкий размах, что действительно это нужно было как-то оценить.

Чурилов: и какое это произвело впечатление?

Вагин: Никакого. После этого количество девушек с крестиками увеличилось. Но затем пошло дальше, затем стали появляться статьи о том, что вот очень странно, невероятно, среди советской молодежи лучшей, самой передовой в мире, вдруг появляются такие вещи, как церковное венчание. Такая мода, которая, конечно, никак в наши социалистические ворота не лезет. Почему отдельные юноши и девушки комсомолки хотят венчаться в церкви, это вещь недопустимая, нужно с этим бороться, нужно вести какую-то кампанию и т. д. Это тоже было знаком того, что увеличилось количество церковных

венчаний, увеличилось количество крещений рождаемых детей и т. д. И в общем постепенно, в результате такого рода чисто советских публикаций, чисто советских откликов, можно было составить впечатление о том, что начинается что-то новое, начинается какое-то явление, которое становится все более и более широким. С моей точки зрения кульминацией всего этого явилось недавнее интервью митрополита Антония, наследника Никодима, для западной прессы, в котором он, фактически, признал факт этого религиозного возрождения.

В. Арцимович: Какой приблизительно процент во всей России крещаемых детей?

Вагин: Это зависит от зон, районов, городов. Некоторые говорят, что в Москве крестят чуть ли не 70 %. Я думаю, что реальные масштабы гораздо скромнее; если бы можно было вывести точную цифру, то она оказалась бы достаточно умеренной. Однако, когда мы говорим об условиях такого общества как советское, тут чистая статистика не всегда является самым последним аргументом. Самое важное то, что уже есть такие явления, что они есть не в одном месте, что они распространяются. Это как бы потенциальные очаги, динамические центры силы, которые оказывают очень сильное воздействие на окружающих, поэтому они так потенциально опасны для власти, поэтому появляются эти фельетоны, чтобы затушить, заглушить...

Елагина: Это люди, которые перешли черту страха?

Вагин: Да, это люди, которые первыми перешли черту страха, и которые неизбежно повлекут за собой и других людей.

В. Арцимович: Из 60 лет советской власти только 10 с лишком лет мы слышим о диссидентах. 50 лет мы ничего не слышали, были ли они и раньше?

Переломилась ли черта страха, или террористический режим был сильнее, чем сегодня?

Вагин: По подсчетам Солженицына мы знаем, что за первое пятидесятилетие советской власти было погублено 66 миллионов человек. Трудно себе представить, что все эти 66 миллионов были совершенно невинными жертвами и попали ни за что ни про что в лагерь. Очевидно среди них был совершенно определенный процент активных борцов против режима. Их наверно нельзя называть диссидентами, поскольку то значение, которые мы вкладываем сегодня в слово «диссидент», это, в общем, что-то такое — мирное животное, достаточно ручное, которое иногда поднимает голос, но старается держаться в рамках законности, хотя его и сажают, конечно, в лагерь. Поэтому я не хочу чтобы меня называли диссидентом. Я — зверь немножко другого порядка. Были люди, которые протестовали не просто словесно, люди, которые брали оружие, бросали бомбы, которые с моей точки зрения достойно продолжали традиции Белого Движения. И сейчас такие потенциально имеются, но их гораздо меньше.

Елагина: Может ли советская система изжить самую себя?

Вагин: Этот организм сам себя никогда не изживет и сам по себе никогда не остановится и глупо уповать на это, как и на эволюцию. Что само по себе все будет хорошо и нам останется собрать дорогие заграничные чемоданы и приехать в свои поместья — этого никогда не будет.

Елагина: Выходит, что единственный выход из положения — это революция, ибо эволюция быть не может. И значит кровопролитная. В таком случае, меня интересует сила. В армии тоже есть диссиденты?

Вагин: Вы смотрите в корень дела. Конечно, все дело в армии.

Елагина: Я слышала что Красная Армия обуржуилась, превратилась в элиту, привилегированный класс. Есть ли там антикоммунистические веяния, или им не нужно никаких переворотов, им и так очень удобно? Каков молодой состав армии? С точки зрения перспектив революции.

Вагин: Разумеется. Положение в армии сейчас очень неблагоприятно. Те факты, которые достаточно известны здесь на Западе, факты двухлетней давности; это попытка угнать «Сторожевой» в Швецию, боевой корабль, — неудачная попытка, организаторы которой были расстреляны; это было симптомом и знаком того, что происходит в недрах вооруженных сил. Второй факт, это

летчик, который угнал боевой самолет. Можно было бы эти факты считать выразительной иллюстрацией того, что происходит в Красной армии.

Маршова: Какое Ваше мнение о Западе? Попав сюда, Вы разочарованы?

Вагин: Нет, совсем не разочарован.

Елагина: Но Вы ожидали большего?

Вагин: Конечно, но все дело в том, с какими идеями человек выезжал на Запад и что он хотел здесь встретить. Большинство выезжает на запад с тем, чтобы здесь стать миллионерами, если не в первый год, то на второй — наверняка. У меня были мои представления о Западе несколько в ином разрезе.

Стрелин: Идеализируют ли Запад там?

Вагин: В общем, Запад, конечно, идеализируют. Дело очень просто: поскольку люди привыкли не верить официальной пропаганде, то если в советских газетах пишут, что Запад — это ад, то, конечно, автоматически считают, что Запад — это рай.

Стрелин: Солженицын говорит, что восстания должны начаться с концлагерей, всероссийское восстание. Это сейчас, в теперешних обстоятельствах могло бы случиться?

Вагин: Абсолютно нет. Потому что сейчас совершенно другая лагерная ситуация, чем во времена Солженицына. Сейчас КГБ ведет так называемую профилактическую работу, то есть, они предпочитают значительное количество оппозиционеров, уже себя выявивших, не сажать в тюрьму или лагерь, но делать им официальное предупреждение. Есть специально выработанные программы, напечатанные типографским способом. Человека вызывают и проводят с ним так называемую профилактическую беседу, которая состоит в следующем. Ему говорят: вот мы за вами некоторое время следим, нам не нравятся ваши знакомые, нам не нравятся некоторые ваши высказывания и мы вас предупреждаем, что если вы будете продолжать в таком же духе, если вы будете иметь таких знакомых, будете стремиться к чтению такой литературы, то не исключено, что мы вас арестуем и будем судить по статье об антисоветской агитации и пропаганде. Мы вас предупредили, пожалуйста, подпишитесь под документом, что вы ознакомлены с этим нашим предупреждением. Очень странная форма для людей, которые пережили довоенный период, тем не менее, это явление достаточно распространенное. Оно позволяет значительно уменьшить население политических концлагерей и очевидно, по замыслу, во всяком случае, позволяет держать в некотором страхе массу потенциальных оппозиционеров. То есть человек, обремененный семьей, которому сделано такое предупреждение, должен подумать что и как. Поддаются этому страху не все, но кое на кого это действует.

В. Арцимович: Какие следующие этапы если он непослушный?

Вагин: Если он непослушный его могут арестовать в первый раз, скажем, за какое-нибудь «хулиганство». Моего очень близкого знакомого, который тоже писатель, арестовали вот по какому поводу. В Москве летом 1979 года не более и не менее как была организована международная конференция в защиту прав человека. На эту конференцию были приглашены представители чуть ли не 93 стран, черных, желтых и разных цветов. Ну естественно, имеющиеся в Москве диссиденты решили по съезду отметить это «торжество» и как-то заявить о своем существовании, о том что они солидарны с этим движением в защиту прав человека. Чтобы этого не произошло, чтобы у этих черных, желтых, зеленых и прочих участников не состоялось «неправильного» представления о ситуации в Советском Союзе предварительно были проведены определенные акции милиции и КГБ. Мой друг был арестован на станции метрополитена, якобы, за нарушение порядка и посажен на пятнадцать суток, пока проходила конференция, и не разбежалась разноцветные ее участники. Потом его выпустили. Так что в общем положение такое, и комическое и трагическое. Затем, следующий этап может быть: вас арестовывают уже по какому-то более серьезному поводу, то есть к вам приходят с обыском, если у вас ничего не находят вам могут подбросить иностранную валюту, порнографию и потом обвинить вас в том, что вы занимались «недозволенным промыслом», вас берут уже более серьезные органы, не просто милиция, с вами про-

водят беседу уже не профилактическую. Для будущего помещения в концлагерь вам готовят определенную статью. В советском уголовном кодексе сейчас есть две основных статьи: это статья 190-ая, смысл которой может быть сведен к формуле политического хулиганства, максимальный срок наказания — 3 года с помещением в лагерях общего типа, не политических; и статья 70-ая — антисоветская агитация и пропаганда на срок до 7 лет плюс 5 лет ссылки. Это уже нечто более серьезное. Для того, чтобы быть обвиненным по этой статье нужно действительно сделать что-то более важное, заслужить это. В зависимости от того, насколько вы преступили меру законности вам могут предъявить ту или другую статью. Когда арестовали нас, членов ВСХСОН сначала нам всем была предъявлена 70-ая статья, но в процессе допросов и всего прочего решили, что мы, или по крайней мере, некоторые из нас, еще более опасные типы, выделили четырех человек, руководителей организации и принесли нам статью 64-ую, статью, которая гласит об измене родине и высшая мера по которой — расстрел. Эту статью нам предъявили спустя полгода после начала следствия. Это было сюрпризом немножко неприятным.

Елагина: Могли ли вы защищать себя, обелить?

Вагин: Да, конечно, но в результате этих наших попыток обеления, мы стали настолько белыми, что нам 64-ая статья была как раз стаж...

Беликов: Когда сместили Хрущева, была ли перемена в повседневной жизни, настоящая оттепель?

Вагин: Когда Хрущев прочитал свой доклад я был зеленым студентом второго курса и для меня и моих друзей, в общем, это было, конечно, событие весьма важное. Не столько сам доклад, сколько последовавшие за ним события в известной мере сформировали нас и воздействовали на нас. Смещение Хрущева, которое состоялось в 1964 году в общем было принято довольно равнодушно всеми потому что как бы особенной перемены никто не заметил. И это лишний аргумент, что никто не верит в мирную эволюцию.

В. Арцимович: Вернуться к вопросу: что мы можем тут сделать. Нас тут собралось около 30 человек.

Вагин: Это почти наша организация...

В. Арцимович: Вы уезжаете. Скажите, что нам тут остается делать? Продолжать собираться в том же кругу, стараться читать больше, информироваться, писать петиции, собирать подписи, информировать аргентинское население, заниматься перепиской с нашими братьями на родине, что нам делать?

Вагин: Эти вещи должны решить вы сами...

Арцимович: Вы первый, который сюда приехали из теперешней России. Вы нам дали много информации, было много вопросов чисто информационных, мы тут мало читали, мало знаем, мало слышали, — не будем искать причин этого, — но сейчас мы обо всем этом узнали, мы узнали об Игоре Огурцове, об Осипове, о Шафаревиче. Мы лично с вами познакомимся, вы конкретное лицо, которое, может быть, многие из нас ждали. Что нам остается делать?

Елагина: Мы ничем не рискуем, но действительно ли можем быть уверенными, в том, что там мы конкретно можем помочь, в то же время не подвести кого-нибудь...

Вагин: Если говорить о возможностях вашей активности, то она двойная. С одной стороны прямо направленная на Россию, а с другой стороны то, что вы делаете здесь. Для того, чтобы подготовиться для работы для России вы должны какую-то предварительную работу провести именно здесь. То есть мне представляется, что бы вы должны гораздо более интересоваться всеми этими проблемами, больше читать и больше знать... Я хочу рекомендовать вам немножко больше интересоваться всеми этими вещами и относиться к ним критически, то есть не принимать безусловно все то, что вам предлагают те или иные источники, но стараться подходить к этому с точки зрения русской, национальной и православной. Это единственный критерий, который всех нас должен объединять.

Елагина: У нас нет никакой организации, мы сами по себе, мы хотим что-то делать.

Вагин: Почему же вам не создать что-то... Кругок, назовите как хоти-

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

За Россию

1955 — 1980

25 ЛЕТ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ
РАБОТЫ РУССКОЙ
ШКОЛЫ — О.Р.Ю.Р.

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

День рождения А. С. Пушкина, 8-го июня, был достойно отмечен преподавателями и учениками Русской Гимназии О.Р.Ю.Р. В театральном зале организации собралось свыше 100 гостей. Рядом со сценой висел освещенный портрет поэта и красовалась надпись: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет» (Тютчев). Начался торжественный акт, посвященный поэту и отмечающий, тем самым, день Русской Культуры. После очень сердечного и теплого обращения к зрителям Т. Н. Базаревич, преподавательницы в старших классах гимназии, выступил ученик 5-го класса (А. Попов) и с большим чувством прочел стихотворение поэта «Пророк». Эти стихи, раскрывающие душу поэта и указывающие на его роль в нашей и мировой литературе, сразу, как бы, приобщили сидящих в зале зрителей к торжеству переживаемого момента. Перед глазами публики прошёл обзор всего творчества Пушкина, начиная с его лицейских лет, жизни в любимой столице Петербурге, лирических стихотворений, посвященных красоте русской природы, няне, волшебному очарованию сказки, драматическим произведениям «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». Захватывающие картины сменяли одна другую. Их иллюстрировали диапозитивы, тени и участники, выступающие в прекрасных костюмах данной эпохи. Весь спектакль связывал диктор (З. А. Шмитова) и музыка, исполненная на пианино (Е. К. Ларионова). Световые эффекты, подчеркивающие красоту каждой сцены, были безупречны (А. Исаков). Невозможно, говоря об этом спектакле, не отметить его высокой художественности и тонкого вкуса. Также важно отметить, что он был создан группой преподавателей русского языка, литературы и родиноведения Гимназии О.Р.Ю.Р. М. Н. Лукиной, Т. Н. Базаревич, В. А. Шмитовой и Е. К. Ларионовой.

Но, пожалуй, самым волнующим было то, что все 17 юных артистов говорили на прекрасном русском языке, доказав, что наше молодое поколение не теряет своего лица и хочет и может сохранить наши культурные и духовные сокровища.

А. Б.

ОПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

□ Рудольф Альберт Герман — полковник КГБ, по заданию последнего, «перебежал» в Америку для шпионской деятельности, которой безнаказанно занимался 25 лет. Опередив нависшее над ним разоблачение, он «раскаялся» и предложил американской контр-разведке разоблачать советских шпионов. Американцы с восторгом согласились и теперь «раскаявшийся чекист» морочит им голову в новой роли.

□ Кроме пшеницы СССР покупает у иностранцев миллион тонн сахара. Этого количества, по расчётам советчиков, должно с натяжкой хватить на год для подслащения горькой участи коммунистов, но не сладкой жияни беспартийного населения.

□ Затмение солнца, по верованию индусов, приносит несчастье. Они не ошибаются, так как спасаясь от злых духов и стремясь в темноте к священным водам Ганга, гибнут сотнями

в давке, как это снова случилось недавно в городе Алахабад.

□ Собакофилы научно и статистически доказали, что только одна собака из 38 способна укусить человека, да и то не всегда и не всякого. Они высказали заслуживающее внимания предположение, что не любят и опасаются собак люди с нечистой совестью потому, что таких собаки тоже не любят.

□ Иерарх московской патриархии — архиепископ Брюссельский и Бельгийский телеграммой на имя товарища Брежнева выразил резкий протест против «чекнистского произвола гонения на Русскую Православную Церковь» и потребовал «немедленного освобождения задержанного достойного служителя Церкви», о. Дмитрия Дудко. О том, по какую сторону Железного занавеса и с какой целью был составлен текст телеграммы, среди заграничных мирян мнения разошлись, но сошлись в том, что о гонении на Церковь маститый иерарх должен был знать задолго до своей заграничной командировки.

ФИЛИН

те... Я знаю, что среди людей более старого поколения есть разногласия... пусть они спорят между собой. А вы постарайтесь найти возможность объединения. Но мне досадно. Я вот живу в Италии три года, в основном мне приходится с итальянцами, с молодежью, это в основном люди, которые уже объединены, имеют свои кружки, свои организации и мне всегда страшно обидно, что вот у них это есть, а у русских, когда я встречаюсь в Америке, в Австралии, в Европе, — это всегда какой-то идейный порыв, а потом все по-прежнему... Но если мы здесь не можем найти чего-то нас объединяющего, как можем мы серьезно говорить о реальной помощи в России? Дело не в том, чтобы создавать новую партию, организацию. Нет, не в этом дело, нужно найти какие-то основания для совместной работы, сформировать какие-то новые общие принципы, которые могли бы нас объединить в этом направлении, чтобы мы могли вместе действовать.

Стрелин: Мы все просим, чтобы вы нас чему-то научили, но я заметил, что

вам больше нужны помощники, а не ученики.

Вагин: Нужны помощники и последователи. Я не могу претендовать на роль...

В. Арцимович: Значит, нам первым делом нужно как можно шире ознакомиться... Читать, читать и читать. Вы дали нам какой-то толчок, разбудили внутренние какие-то чувства, может быть изредка совесть кому-то что-то подсказывала, но не было конкретного, реального случая начать что-нибудь.

Ракитин: Самое важное то, что кажется в России есть какая-то надежда...

Вагин: Да, в России эта надежда есть, но вы обязаны оправдать эту надежду. Для русских там, русская эмиграция есть некая святая. Вам надо знать, об этом. Там думают, что и нынешняя русская молодежь границей продолжает то, что делали дедушки...

Стрелин: Это наш само собой разумеющийся долг.

Вагин: Совершенно естественный...